

ПРОТИВОРЕЧИЯ В СИСТЕМЕ ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ СОВЕТСКОЙ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х гг.*

Аннотация. Статья посвящена противоречиям в отношении сохранения памятников искусства и старины в Советской России во второй половине 1930-х гг. Законодательными актами государственной власти культурное наследие было поставлено под охрану. Однако, несмотря на это, исторические памятники уничтожались. Показано, что все силы специалистов были направлены на спасение ценнейших произведений искусства.

Ключевые слова: охрана памятников, культурное наследие, Советская власть, государственная политика, 1930-е гг.

N. Lichak

Yaroslavl State Technical University

CONTRADICTIONS IN THE SYSTEM OF
MONUMENT RESERVATION IN SOVIET
RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE
1930th

Abstract. The article is devoted to the contradictions concerning conservation of antique and art monuments in Soviet Russia in the second half of the 1930^s. Cultural heritage was put under protection by the rule of the legislative acts. However, in spite of this, monuments were destroyed. Efforts of the specialists were aimed at saving the most valuable works of art.

Key words: monument conservation, cultural heritage, Soviet Russia, Soviet Government policy, 1930^s.

Возникающие проблемы в современной системе охраны памятников, вопросах реституции церковных ценностей вызывают общественный интерес к историческим этапам сохранения культурного наследия. Тридцатые годы двадцатого столетия вошли в историю России как годы грандиозныхстроек и коренных преобразований в стране. В то же время это были годы, полные противоречий, оставивших немало трагических страниц в экономической, общественно-политической, духовной и культурной жизни

общества. Одна из таких страниц связана с изучением развития системы охраны памятников.

Середина 1930-х гг. характеризовалась резким усугублением идеологической тенденциозности в отношении к историческому и культурному наследию. Недооценка государством роли системы охраны памятников как важного фактора социального развития общества отрицательным образом повлияла на всю музейную, краеведческую и реставрационную работу. Этот период времени характеризуется также борьбой различных взглядов на историко-культурное наследие. Оформление авторитарно-бюрократической системы, подъем энтузиазма и инициативы людей, спровоцированный революционными лозунгами, – все это послужило мощным толчком для наступления на отечественную несоветскую культуру. Тем самым набирала силу тенденция, направленная на свертывание работ по охране памятников, на снос старинных архитектурных строений и «идеологически вредных» памятников.

Против такого отношения к прошлому отчаянно боролись лишь энтузиасты, отстаивающие необходимость сохранения всех памятников и расширения реставрационных работ.

Существует мнение среди исследователей, что с середины 1930-х гг. можно говорить об исчезновении органов охраны памятников, по крайней мере, на несколько лет. Но такой взгляд представляется некоторым преувеличением. Так, с 1930 г. охрана и учет памятников осуществлялись сектором науки при Наркомпросе, продолжал действовать и Комитет по охране памятников при Президиуме ВЦИК [16, 199]. А в сентябре 1933 г. в составе Наркомпроса был восстановлен закрытый тремя годами ранее музейный отдел.

В сложной ситуации оказались местные органы охраны – музеи. Но они не обладали ни материальными возможностями, ни юридическими правами для осуществления деятельности по охране культурного наследия, которые были на них возложены.

* © Личак Н.А.

Судьба памятников часто решалась в административных и хозяйственных органах, которые считали, что лучшей формой сохранения объектов будет их приспособление под «хозяйственные нужды социалистического строительства» [6, 22]. На заседании Президиума Костромского горсовета, например, решался вопрос «о расширении парка культуры и отдыха за счет сноса Соборной группы Костромского Кремля и о необходимости ходатайства перед Наркомпросом о снятии их с учета и охраны»¹. Церковь Ильи Пророка в Ярославле мешала проведению парадов на главной площади города².

Недостаток материальных средств существенно повлиял на систему реорганизации органов по охране памятников. Денежные ассигнования в необходимом объеме выделялись только на важные объекты. Существовали два фонда – государственный и местный. На отдельно взятый памятник столицы из центрального бюджета могли выделить 50-60 тыс. руб. в год, в то время как местные органы могли выделить только 10 тыс. руб.³, в силу ограниченных финансовых возможностей.

С быстрым ходом закрытия церквей по городам и районам РСФСР непрерывно увеличивалось число памятников, переходящих в непосредственное ведение музейных органов. Однако увеличения ассигнований не было. Отпускавшиеся кредиты (2-6 тыс.) были явно недостаточны. Ряд памятников оказывался в положении, близком к катастрофическому. Так, на 1933 г. ярославский музей составил смету минимально необходимых ремонтных работ по десяти памятникам высшей категории и двум памятникам I категории⁴. В то же время сумма кредитов на всю страну на 1933 г., которой мог распорядиться сектор науки, составляла 45 тыс. руб.⁵.

Статьи в поддержку процесса сохранения культурного наследия появлялись на страницах официальной прессы Советской России. Они содержали критику тех местных властей, которые допускали факты гибели памятников. Критический отзыв опубликовала ярославская областная газета «Северный рабочий» [17, 3]. Содержание статьи гласило, что группа московских архитекторов после посещения церкви Иоанна Предтечи (XVII в.) написала в Книге отзывов о «варварском отношении к ценным фресковым росписям» этого храма⁶. Архитекторы отмечали, что городские власти «не смогли

придумать ничего лучшего, как занять эти здания под склады»⁷. Значение памятников революции, истории, культуры, архитектуры и археологии, казалось, должно было возрасти. Признавалось, что памятники способствуют познанию истории Родины, воспитанию трудящихся в духе преданности и любви к своему Отечеству [16, 196]. В то же время наследие, по мнению специалистов, следовало использовать как средство развития международного сотрудничества и как материал антирелигиозной пропаганды.

Проблема сохранения археологического наследия на местах крупнейших строек стояла также остро. Еще в 1932 г. Академия наук вела переговоры с Госпланом СССР о систематических археологических исследованиях. В том же году был создан специальный комитет, в состав которого вошли представители государственных учреждений, научно-исследовательских институтов, крупных музеев (Наркомпроса РСФСР, Междуведомственного комитета, Коммунистической академии, Музея антропологии и этнографии, Эрмитажа, Государственного исторического музея, Русского музея). Силами комитета под руководством академика Н.Я. Марра осуществлялись научные экспедиции в районы крупных строек, выпускались плакаты и листовки.

В 1932-1937 гг. состоялись крупнейшие археологические экспедиции на места строек всесоюзного значения – Днепрогэса, Пермской ГЭС, канала Москва-Волга, Ярославской ГЭС, Беломорско-Балтийского канала и др. Обследованием памятников архитектуры и революционного движения занимались также экспедиции на строительстве Баксанской ГЭС (Кабардино-Балкария) [5, 11], Байкало-Амурской магистрали [3, 80]. К работе экспедиций привлекались сотрудники местных музеев, краеведы. Успех экспедиций подкреплялся проводимыми в результате обследований беседами и экскурсиями, лекциями и выставками для рабочих, инженерно-технического персонала и местных жителей.

Несколько изданий в 1932-1935 гг. выдержала «Инструкция по учету и охране памятников материальной культуры на новостройках» [9, 10-16], рассчитанная на широкий круг читателей.

Исследование археологических памятников проводилось также при строительстве метро. Комиссия, в состав которой входили

представители различных музеев, ЦГРМ, ГАИМК, выявляла и фиксировала археологические памятники. Непосредственно в строительстве метрополитена участвовали две бригады (археологическая и архивно-историческая) во главе с А.В. Арциховским и П.В. Сытиным [14, 155].

Перед экспедициями ГАИМК были поставлены задачи выявления и фиксации не только археологических объектов, но и памятников других типологических групп. Так, археологическая экспедиция во главе с О.Н. Бадером, работавшая в 1933 г. на трассе канала Москва-Волга, имела в своем составе отряд для обследования памятников революционного движения и архитектурных объектов. Были сделаны обмеры, планы, фотоснимки здания, где помещалась типография большевиков, а также домовая церковь 1592 г., Оршина монастыря с собором XVI в., монастыря у села Савватьево с церковью 1679 г. [14, 155].

Законодательно данные инициативы были подкреплены специальным постановлением ВЦИК и СНК РСФСР «Об охране археологических памятников» [18, 1934, № 16] от 10 февраля 1934 г., которое запрещало уничтожение и повреждение древних городищ, селищ, стоянок, курганов, могильников и т.п. На местах еще до этого нормативно-правового акта действовали подобные постановления местных органов власти. На основании постановления Ярославского облисполкома от 15 декабря 1932 г. «Об охране памятников искусства, революции, старины, быта и природы»⁸, всем местным советам и другим организациям запрещалось производить ремонт, реставрацию, слом и переделку памятников архитектуры, зарегистрированных в списках Наркомпроса РСФСР, а также всех зданий и сооружений, построенных до 1800 г., без письменного разрешения музейных органов. Виновные должны были привлекаться к уголовной ответственности.

Функции охраны недвижимых памятников, сведенные до вопросов надзора за узким кругом музеефицированных объектов, перешли к вновь образованной в 1934 г. Всесоюзной академии архитектуры. Ею, в частности, в 1934-1935 гг. курировалась редкая по тем временам работа по укреплению Дмитриевского собора во Владимире [1, 60]. Сотрудники Академии проводили главным образом обследования и обмеры гибнущих памятников. В 1937 г. были организованы экспеди-

ции для обмеров сооружений, затопляемых или разбираемых в связи со строительством Угличской электростанции.

В декабре 1934 г. была утверждена Наркомпросом и согласована с Наркомфином «Инструкция по охране исторических памятников и порядке управления ими» [4, 20]. Осенью 1935 г. Президиум ВЦИК утвердил «списки памятников, состоящих на государственной охране». На этом двусмысленном фоне практики и теории вдохновенно трудились над «созданием национальной по форме и социалистической по содержанию архитектуры».

Примечательно, что такому развитию событий способствовали факты восстановления исторических факультетов вузов, создание новых учебников по гражданской истории. Решение об этом было принято Политбюро ЦК ВКП(б) в марте 1934 г. и закреплено майским постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР 1934 г. – «О преподавании истории в школе» [10, 369-370]. Данные мероприятия были направлены против нигилистического отношения к национально-патриотическим традициям в условиях ухудшения международной обстановки.

Актуальным стало воспитание патриотизма, который еще недавно ассоциировался у многих с идеологией контрреволюции. Это, в свою очередь, потребовало обращения к истории. В постановлении жюри правительственной комиссии по учебникам для 3-4-х классов школы и в постановлении ЦК ВКП(б) 1938 г. критиковалось «непризнание прогрессивным фактом принятие христианства, неправильное освещение роли Александра Невского, отсутствие признания положительной роли Богдана Хмельницкого, преувеличение организованности крестьянских восстаний» [13, 13]. В постановлении 1938 г. подверглась критике и школа Покровского (сам он умер в 1932 г. еще в почете), «которая толковала исторические факты извращенно, вопреки историческому материализму освещала их с точки зрения сегодняшнего дня, а не с точки зрения тех условий, в обстановке которых протекали исторические события» [13, 13].

Происходило возвращение к исторической тематике, ее реабилитация. При этом после разгрома прежней философии и прежней историософии появлялась возможность заново интерпретировать факты, приспособивая их к новой политической ситуации.

Изменение трактовок распространилось

на искусствоведческую и архитектуроведческую тематику. В газетных статьях отмечалось, что «великие художники прошлого принадлежат трудовому народу, унаследовавшему все культурные ценности предыдущих классов, и не в наших интересах держать эти ценности под спудом, распылять их и превращать в историческую ветошь, как пытаются это делать вульгарные социологи» [13, 13]. Признавалось, что борьбу за полноценную советскую архитектуру нельзя успешно вести, не будучи вооруженным огромным архитектурным опытом минувших эпох. Публиковавшиеся материалы по истории архитектуры рассматривали вопросы народной архитектуры ряда регионов.

Исследованиями состояния памятников архитектуры и археологии во второй половине 1930-х гг. продолжали активно заниматься Государственная академия истории материальной культуры, Академия архитектуры СССР, реставрационные мастерские Третьяковской галереи. В 1939 г. по утвержденному уставу Всесоюзной академии архитектуры была сформирована Комиссия по охране и реставрации памятников архитектуры [13, 80].

Следует отметить, что отношение к памятникам менялось не сразу. В печати второй половины 1930-х гг. чаще всего отмечалось формальное отношение хозяйственников к своим обязанностям в отношении охраны памятников. Но теперь имелась возможность вести борьбу с этими нарушениями. Разборка памятников в Ярославской области мотивировалась потребностью в кирпиче⁹. Однако Академия архитектуры СССР, обратившись к управлению строительством, спасла церковь Иоанна Предтечи (XVII в.) в Угличе, попавшую в зону строительства Угличской ГЭС [8, 130]. Важным было также и то, что периодическая печать, в частности, «Советский музей», издаваемый с 1930 г., стал публиковать материалы о состоянии памятников.

Деятельность Всесоюзной академии архитектуры и ее Комиссии по охране распространялась не на всю территорию СССР. Местные органы власти сохраняют жесткие способы борьбы с культурным наследием. Председатель Комиссии Степанцов на совещании научно-технических сотрудников Ярославского областного краеведческого музея критиковал положение памятников города Ярославля, который по их количеству занимал третье место в СССР¹⁰. Отвечая

на вопрос, кто должен санкционировать снос памятников, председатель возлагал ответственность за решение на Президиум ВЦИК, а также местный облисполком. Власть российской периферии, воспользовавшись данными полномочиями, например, оценивала церковь Николы Рубленый город с позиции, что ее строил «пролетарий Ярославля», следовательно, надо оставить, а церковь Ильи Пророка строилась московскими рабочими – ее надо снести. Закрытый к тому времени филиал реставрационных мастерских, возглавляемый П.Д. Барановским и И.Э. Грабарем, не мог повлиять на уничтожение памятников. Успенский Собор, церкви – Симеона Столпника, Иоанна Златоуста в Рубленном городе, Всехсвятская, Рождества Богородицы, Власьевская – это небольшой перечень разрушенных в 1930-х гг. храмов Ярославля. К тому же список храмов, подлежащих охране, постоянно изменялся.

Нельзя забывать, что большой вред делу охраны памятников истории и культуры нанесла антирелигиозная кампания, в ходе которой на территориях практически всех областей СССР полностью или частично была разрушена большая часть культовых зданий. Избежавшие разрушения церковно-архитектурные памятники передавались под хозяйственные нужды.

При Всесоюзном комитете по делам искусств СНК СССР, созданном в 1936 г., действовало управление по охране памятников [15, 80]. Сформированные комитеты, носившие, как правило, временный характер и занимавшиеся небольшой группой памятников и музеев, не могли существенно повлиять на сложившуюся ситуацию.

Музейно-краеведческому отделу в регионах должны были подчиняться краевые и областные отделы народного образования. В 1935 г. пленум Междудементального комитета утвердил положение «О краевых и областных уполномоченных комитета и уполномоченных по городам Москве и Ленинграду» [21, 15]. Уполномоченные комитета были обязаны на местах осуществлять надзор за эксплуатацией памятников, контролировать расходование денежных средств и пр.

Определенно, государственный контроль охраны культурного наследия, полностью утраченный к концу 1920-х, во второй половине 1930-х гг. был временно восстановлен. Наблюдались попытки «реанимации» государственной охранной системы первых послереволюционных лет. Но большого ус-

пеха эти попытки не имели. Межведомственный комитет, имевший в штате всего несколько постоянных сотрудников, был не в состоянии решить поставленные перед ним задачи. Музейный отдел Наркомпроса, рассматривая ограниченный объем проблем и имея мизерный штат, не играл сколько-нибудь значительной роли в деле охраны памятников. Деятельность региональных отделов народного образования была скована отсутствием средств, острой кадровой проблемой. Сфера охраны культурного наследия тех лет отличалась разобщенностью отдельных ведомств, крупных музеев и научных учреждений.

В 1937 г. государство вновь отпустило значительные средства на ремонт и реставрацию памятников архитектуры и древнерусской живописи. Это дало возможность возобновить ремонтно-реставрационные работы. Ремонт важнейших памятников архитектуры производился в Новгороде. Во Владимире готовился к реставрации Димитриевский собор – уникальный памятник архитектуры XII в. с богатейшей скульптурой, каменной резьбой, фресками, находившийся в неблагоприятном состоянии. Ремонтировались также храм Покрова на Нерли (1165 г.) и памятники г. Боголюбова [1, 60]. В 1938 г. начались реставрационные работы в Троице-Сергиевой лавре [20, 4]; в 1939 г. – в Пскове [19, 172] и т.д.

Обширные планы в области охраны памятников имел Музей Академии архитектуры СССР, который предполагал превратить в музеи-заповедники крупнейшие историко-архитектурные ансамбли, создать музей архитектуры под открытым небом, основанный на подлинных памятниках [8, 130; 12, 2]. Первый опыт такого музея предполагалось осуществить в с. Коломенском, куда еще в 1927 г. по инициативе П.Д. Барановского были перевезены памятники деревянного зодчества (башня Сумского острога и башня Николо-Карельского монастыря с берегов Белого моря, домик Петра I из Архангельска, медоварня, усадебные ворота). В 1938 г. в Академии архитектуры разрабатывалась планировка этого музея. На 1941 г. для организации работ в Коломенском были выделены специальные средства [14, 35].

С 1934 г. сохранением древнерусской живописи занималась реставрационная мастерская Третьяковской галереи, возглавляемая знатоком древнерусского искусства Ю.А. Олсуфьевым. В ней работали опытные мас-

тера-реставраторы Е.А. Домбровская, И.И. Суслов, И.В. Овчинников, И.А. Баранов. Продолжая деятельность Центральных государственных реставрационных мастерских (закрытых в 1934 г.), мастерская совершила ряд экспедиций: во Владимир (завершение укрепления фресок круга Андрея Рублева в Успенском соборе, начатого ЦГРМ), в с. Боголюбово и Александровскую слободу (обследование фресок Покровской церкви XVI в.), в Новгород и его окрестности (открытие следов древних фресок в церкви Михаила Сквородского монастыря, раскрытие там отдельных композиций, фигур и фрагментов, датируемых концом XIV в.) [11, 202], а также в Псков, Ростов и другие города.

В июне 1939 г. музейно-краеведческий отдел Наркомпроса проверил состояние памятников архитектуры в Ярославской области и отметил следующие недостатки. Реставрационные работы ведутся в Ярославле, однако отсутствуют на объектах области; по вине арендаторов разрушаются многие храмы Ярославля XVII в.; в неудовлетворительном состоянии находятся такие памятники, как Ростовский кремль, Борисоглебский монастырь, торговые ряды в Ярославле и т.д. Наркомпрос потребовал от директоров музеев строго соблюдать постановление ВЦИК и Совнаркома РСФСР «Об охране исторических памятников» от 10 августа 1933 г. [18, 1933, № 44, ст. 179], подчеркнув, что они будут нести уголовную ответственность за нарушение данного постановления.

Руководители местных органов власти, еще недавно руководившие разрушением памятников, теперь были объявлены «врагами народа». Газета «Правда» писала в 1938 г. по поводу разрушений на Бородинском поле: «...Люди... разоряли его не по глупости, а сознательно. Враги народа знали, что своими преступными действиями они уничтожают государственные ценности, оскорбляют достоинство великого народа». «Враги народа» были репрессированы, хотя являлись всего лишь исполнителями приказов сверху.

Некоторое смягчение позиции по отношению к памятникам старины объясняется тем, что накануне приближавшейся войны советское руководство во главе с И.В. Сталиным начало постепенно поворачиваться лицом к русской истории и культуре. Тем самым они стремились поднять патриотизм народа и укрепить единство общества накануне военных потрясений. Культурно-историческое наследие помогало успешно ре-

шать данную политическую задачу.

Все вышеперечисленные факты подтверждают, что ситуация с охраной памятников старины во второй половине 1930-х гг. была неоднозначной и противоречивой. Интересы политики выходили и в данном вопросе на первый план. Несмотря на нормативно-правовые акты, предусматривавшие сохранение культурного наследия, были осуществлены массовые кампании, направленные на разрушение исторических памятников, утрату большого количества культурных ценностей. И только накануне войны этот процесс замедлился и сменился политикой бережного отношения к культурному наследию прошлого.

Ситуация, сложившаяся в конце 1930-х гг. по отношению к охране памятников искусства и старины, снова включает их в прошлое мифологизированной истории, формируя уже мифологию новейшей истории путем искусственной селекции многовекового процесса изучения национальной культуры. Именно «создание национальных форм» стало исходным в творческом методе, подобно тому, как происходило создание новых городов, индустриальных гигантов, а в искусстве – заказных жизнерадостных полотен, фильмов, песен и плакатов.

Двойственная политика по отношению к памятникам второй половины 1930-х гг. в РСФСР – с одной стороны, уничтожение, с другой – реабилитация, необычайно насыщена. И все же можно считать, что к концу десятилетия пик отрицательного отношения к памятникам был пройден. Но лишь части из них отводилось место в новой системе идеологизированного искусства.

Однако отсутствие финансирования, косность, неповоротливость и разобщенность государственной памятникоохранительной системы, идеологическое ранжирование объектов старины, переоборудование под антирелигиозные музеи – все это достаточно известные причины сложившейся ситуации, корень которых – культурная политика правительства – противоречивая, непоследовательная, декларативная, находящаяся под неуклонным контролем руководящей партии. Формально сняв с себя ответственность за сохранность культурного наследия, правительство переложило ее на местные органы власти с их скудным бюджетом. Вместе с тем, именно по их указаниям «в установленном порядке» разрушались, перестраивались усадьбы, особняки,

взрывались храмы и монастыри – то, что не укладывалось в жесткие рамки политической доктрины. Разрушение системы охраны памятников привело к существенным культурным и историческим утратам.

Бурное промышленное развитие и колхозное строительство, реконструкция села 1930-х гг. требовали усиления внимания к наследию, более тесных контактов государственных органов охраны памятников с различными хозяйственными, плановыми и проектными организациями, привлечения более широких кругов общественности. Результатом явился подготовленный в 1938 г. общий список российских памятников, который затем периодически корректировался.

В Советской стране акцент делался на политических предпосылках, определявших то или иное отношение к культурному наследию и, в частности, к памятникам архитектуры. Основательная «чистка» – расчистка памяти ее носителей, создание множества предпосылок для вытеснения истинных исторических фактов – все это было важно для формирования государственной идеологии, оказывая влияние на отношение к наследию как обычных людей, так и специалистов в сфере охраны памятников культуры и искусства.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ Государственный архив Российской Федерации (далее: ГА РФ). Ф.Р. 5263. Оп. 1. Д. 722. Л. 14.
- ² ГА РФ. Ф.Р. 5263. Оп. 1. Д. 87. Л. 63.
- ³ ГА РФ. Ф.Р. 5263. Оп. 1. Д. 16. Л. 17об.
- ⁴ Государственный архив Ярославской области (далее: ГАЯО). 1400. Оп. 1. Д. 53. Л. 46, 65, 72, 83.
- ⁵ Центральный архив Москвы (далее: ЦАГМ). Ф.Р. 1. Оп. 1. Д. 16. Л. 17об.
- ⁶ ГАЯО. 1400. Оп. 1. Д. 74. Л. 43.
- ⁷ ГАЯО. 1400. Оп. 1. Д. 96. Л. 22.
- ⁸ Там же.
- ⁹ ГАЯО. 1400. Оп. 1. Д. 60. Л. 6.
- ¹⁰ ГАЯО. 1400. Оп. 1. Д. 87. Л. 63.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алексеев Б. Ремонтно-реставрационные работы в Дмитриевском соборе во Владимире// Советский музей. 1937. № 9-10.
2. Антонова В.И. Древнерусская живопись в Государственной Третьяковской галерее// Антонова В.И., Мнева Н.Е. Каталог древнерусской живописи. Т. 1. 1963.
3. Балтенко К.Г. Работы на Байкало-Амурской магистрали// Известия ГАИМК. 1935. Вып. 2.
4. В помощь работнику музея (законы, распоряжения, разъяснения по музейному строительству) / Сост. А.Б. Гиленсон. М., 1936.
5. Деген-Ковальский Б.Е. Работы на строительстве Баксанской гидроэлектростанции// Известия

- ГАИМК. 1935. Вып. 2.
6. Гапочно Л.В. Владимир Иванович Невский // История СССР. 1967. № 1.
 7. Иванов А. Охрана исторических памятников// Советский музей. 1936. № 6.
 8. Иванов В. Н. Задачи охраны памятников архитектуры// Русская архитектура. М., 1940.
 9. Инструкция по учету и охране памятников материальной культуры на новостройках // ГАИМК. Л., 1933.
 10. КПСС о культуре, просвещении и науке. М., 1963.
 11. Кудрявцев Е.В. Об итогах экспедиций художников-реставраторов Государственной Третьяковской галереи на периферию в 1937 г.// Искусство. 1938. № 4.
 12. О работе музея архитектуры в 1940 г.// Сообщения музея архитектуры. Вып. 1. 1940.
 13. Памятники архитектуры в Советском Союзе. Очерки истории архитектурной реставрации/ Под ред. Е.Д. Кульчинской, К.В. Рыцарева, А.С. Щенкова. М., 2004.
 14. Полякова М. Охрана культурного наследия России: Учебное пособие для вузов. М., 2004.
 15. Постановления Совета Министров СССР (далее: СП СССР). 1936. № 10. Ст. 80.
 16. Равикович Д.А. Охрана памятников истории и культуры в РСФСР (1917-1967) // История СССР. 1967. № 7.
 17. Северный рабочий. 1935. 20 апр.
 18. Собрание Узаконений РСФСР.
 19. Спегальский Ю. Памятники зодчества в Пскове// Памятники искусства, разрушенные немецкими захватчиками в СССР. М.-Л., 1948.
 20. Фрам Э. Реставрация музея б. Троице-Сергиевой лавры// Известия. 1938. № 38 (9 февраля). С. 4.
 21. Шорина Е.В. Партийно-государственный контроль – важное средство коммунистического строительства// Советское государство и право. 1963. № 5.

УДК 93/94

Юзмухаметов Р.Н.

*Западно-Якутский научный центр
Академии наук Республики Саха (Якутия)*

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ «АЛМАЗНАЯ ПРОБЛЕМА»: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ*

Аннотация. Предметом данного исследования является анализ отечественной «алмазной проблемы» - истории поисков и открытия месторождений алмазов в нашей стране, которая в силу секретности данных работ до сих пор остается за пределами внимания исторической науки. В то же время выявление Якутской, а затем и Архангельской алмазоносных провинций и создание на их базе отечественной алмазодобывающей промышленности представляет собой выдающееся событие в истории России. В историческом плане «алмазная проблема» в нашей стране заключается в том, что до сих пор нет достоверного научного изложения истории поисков и открытий месторождений алмазов в России.

Ключевые слова: алмазная проблема, месторождения алмазов, геологи -алмазники, Якутская и Архангельская алмазоносные провинции.

R. Uzmuhametov

West-Yakut Center of Science of Academy of Sciences of Republic of Sakha (Yakutia)

DOMESTIC “DIAMOND PROBLEM”: HISTORICAL ASPECT

Abstract. The subject of our research is the study of domestic “diamond problem”, i.e. history of exploration and discovery of diamond deposits in our country, which has been out of attention of historical science because of data security. At the same time the discovery of Yakutsky next Arkhangelsky diamondiferous provinces and the establishment of domestic diamond industry on their basis represent an outstanding event in the history of Russia. The “diamond problem” in our country is that up to now there is no any authentic scientific description of the history of Russian diamond deposits prospecting and discovery.

Key words: diamond problem, diamond deposits, geologists of diamond mining industry, Yakut and Arkhangelsk diamondiferous regions.

История поисков месторождений алмазов в России насчитывает около двух столетий, хотя некоторые письменные источники указывают на находки этого драгоценного камня в нашей стране в более раннее время [1, 261-262]. На протяжении долгого пери-

* © Юзмухаметов Р.Н.